

ЛИНГВОКОММУНИКАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЛАТИНСКОЙ ВЕРЫ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ПОЛЕМИКЕ

Резюме. На материале древнерусских текстов XI–XIII вв., направленных против последователей латинской веры, проанализированы способы вербализации устойчивого представления о *латинах* как носителях отрицательных лингвокоммуникативных свойств. Описаны эксплицирующие данное представление лексемы и словосочетания, установлена принадлежность последних к текстовым формулам, не имеющим жанровой закреплённости; указаны источники формул – Священное Писание и греческие полемические сочинения. Языковые данные сопоставлены с данными, полученными автором при исследовании древнерусских текстов против язычества; установлена общность мотива коммуникативной несостоятельности иноверцев по отношению к *латинам* и *поганям* и значительная близость его лексического выражения в проанализированных письменных памятниках.

Ключевые слова: древнерусская письменность; полемика; латинская вера; языковое представление; коммуникативная характеристика; текстовая формула.

Abstract. On the material of Old Russian XI–XIII century's texts against the followers of the Latin faith the ways to verbalize sustainable idea of *Latins* as owners of poor ability to language communication are analyzed. Lexical units and phrases explicating this view are described; their belonging to text formulas without relation to the concrete genre is set; the sources of the formulas – the Holy Scriptures and Greek polemical writings – are dedicated. Language materials are compared with the material obtained by the author's study of Old Russian texts against paganism; the common motive of an infidel person's communication failure in relation to *Latins* and pagans and much proximity of its lexical expression in the analyzed literary monuments are revealed.

Key words: Old Russian writing; polemics; Latin faith; language representation; communicative characteristics; text formula.

Один из устойчивых мотивов, существующих в рамках фундаментальной культурной оппозиции «свой – чужой», известный различным социумам и, возможно, имеющий универсальный характер, – это представление о некоей «коммуникативной ущербности» членов иного общества: несовершенстве и непрестижности их языка, отсутствии способности к ясной речи, неверном понимании смысла слов и т. п. Этот аспект отражаемой в языке ксенофобии разносторонне исследован на материале славянского фольклора и нелитературных форм существования современных национальных языков – просторечий, жаргонов, диалектов (см. Никитина 1993; Белова 2005; Каракулова 2005; Грищенко, Ни-колина 2006; Березович 2011; Березович 2013; Бондаренко 2013). В историко-филологических трудах, посвященных исследованию лингвистической и конфессиональной полемики периода позднего русского средневековья и современности, показано отражение названного представления в текстах, принадлежащих к элитарной славянской языковой культуре (см. Мечковская 1987; Толстой 1988; Успенский 1996; Мечковская 2000; Кортава 2006; Кортава 2006 [a]; Сазонова 2007).

Источником нашего исследования стали памятники древнерусского периода – оригинальные и переводные сочинения XI–XIII вв. сторонников *правоѣ вѣры*, направленных против последователей *вѣры латиньскоѣ*. Это летописные фрагменты, послания духовных лиц, статьи в сборниках церковных законов, славянские переводы сочинений греческих церковных иерархов – тексты, в которых присутствует вербализация характеристики *латинѣ* (*иновѣрныхъ*, *кривовѣрныхъ*, *въ иной вѣрѣ сущихъ*) как носителей специфических лингвокоммуникативных свойств, резко и отрицательно отличающих их от *правовѣрныхъ*. Анализ способов вербального выражения данной характеристики в контексте исследования языковой концептуализации феномена «иная вера» посвящена настоящая статья.

В статье ПВЛ 988 г. помещено пространное обращение греческого духовенства к принявшему христианскую веру князю Владимиру с приведением Символа веры и объяснением, почему нельзя разделять учение латин: *Не приимай же от латынѣ учения, их же учение развращено: влѣзьше бо въ церковь, не покланяются иконамъ, но стоя поклониться <...> Сего бо апостоли не предаша* (ПВЛ, 128) (здесь и далее примеры приводятся в упрощенной кириллической графике с пунктуационным смысловым членением, не всегда присутствующим в публикациях-источниках). Это одно из многочисленных «общих мест» антилатинских обвинений, которые встречаются в разных средневековых сочинениях и выражаются одним и тем же набором текстовых формул (два примера последних выделены шрифтом). Далее в статье перечисляются Вселенские соборы и приводится известный легендарный сюжет: *По семемъ же сборѣ Петръ Гугнивый съ иними шедъ в Римъ и прѣстоль всхытивъ, развративъ вѣру, отвѣргъся престола Ерусалимьскаго, и Александрѣйскаго, и Цесаряграда и Антиохийскаго. И возмутиша Италию всю, сѣюще учение свое раздно* (Там же, 130). Петр Гугнивый, комментирует О. В. Творогов, «символический образ папы-отступника» (Там же, 435).

Историк А. С. Павлов объяснил еще в 1878 г. происхождение этого образа: авторы греческого сочинения, к которому восходит летописная статья, дали вымышленному персонажу IX в. прозвище подлинно жившего в V в. александрийского патриарха, для того чтобы использовать популярный риторический прием противопоставления истинного и ложного посредством использования одного и того же имени, ср.: апостол Петр Великий (лат. Magnus) – папа Петр Гугнивый (греч. Μόγγος) (см. Павлов 1878, 24–25). Греческий автор, а вслед за ним восточнославянский летописец реализуют интересующую нас метафору: *гугнивыи* ‘немой, косноязычный, гнусавый’ (СлРЯ XI–XVII вв., IV, 154) > *гугнивыи* ‘нехристианин’. Источник метафоры – известный фрагмент Святого Писания: *Се, Бог Спаситель... придет и спасет вас. Тогда отверзутся очи слепых, и уши глухих услышат. Тогда скочит хромый яко елень, и ясен будет язык гугнивых* (Ис. 35:4–6). В ветхозаветном пророчестве иудеям-язычникам предвещаются блага после прихода Мессии. Церковные писатели используют эту метафору для противопоставления дара слова – слова как сложного христианского концепта – немоте нехристиан (ту же цитату, например, встречаем в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона), а после схизмы 1054 г. в контексте византийско-римской полемики – для противопоставления *правовѣрныхъ латиномъ*. Летописец цитирует пророка Исайю в той же статье 988 г. при описании образовательной реформы Владимира: *И, пославъ, нача поимати у нарочитой чади дѣти, и даяти на учение книжное. А матери же чадъ своихъ плакахуся по нихъ, и еще бо ся бяху не утвѣрдили въроу, но акы по мертвѣцѣ плакахуся. Симъ же раздаянымъ на учение книжное, и сбысться пророчество на Руской землѣ, глаголющее: «Въ оны дни услышатъ глусии словеса книжная, яснѣ будетъ языкъ гугнивыхъ»* (ПВЛ, 132–133). Здесь, как и в библейском источнике, *гугнивыми* названы язычники, однако показательно, что данный фрагмент следует вскоре за упоминанием выдуманного папы Петра Гугнивого: *латины*, таким образом, сравниваются летописцем с язычниками и оказываются подобными им. Идея этого подобия прямо и достаточно регулярно эксплицировалась начиная от сочинений константинопольского патриарха Фотия (820–896), объяснявшего появление латинского учения порчей римского христианства варварами (см. Павлов 1878, 59). Об этом не заявленном прямо, но хорошо усвоенном писателем начала XII в. подобии *поганихъ* и *латинъ* свидетельствует и выражение *ся бяху не утвѣрдили въроу* (о язычниках) в приведенном выше летописном примере. Мотив неутвержденности *латинъ* в своей вере и искаженности (развращенности) их учения часто реализуется в проанализированных сочинениях в составе текстовых формул, напр.: *мѣлади и неутвержени прѣлести немечьскѣи въслѣдоваша* (НВ, 71); *Никогдаже поста не имоуть оутвержена въроу* (М, 154); *сѣвратилъ еси на зловѣрие, приасти... въру развращену* (ФИ, 18) и др. Летописец вкладывает в уста Владимиру, крестящему Русь, молитву с той же формулой: *...вдай же имъ, Господи, увѣдiti тебе, истеньнаго Бога, якоже увидиша страны крестьяньскыя, и утвѣрди у нихъ въру правую и несѣвратну* (ПВЛ, 132). Полагаем, книжник XI–XII вв. вербализует в данном фрагменте представление о твердости и истинности правой веры не столько в сравнении с язычеством, сколько в сравнении с верой латинской (об устойчивости мотива отождествления «латинства» и язычества как форм антиповедения в древнерусском сознании изложено в работе Б. А. Успенского и Ю. М. Лотмана (см. Успенский, Лотман 1996, 347–350)).

За исключением прозвища *Гугнивый* в проанализированных текстах не обнаружена фиксация представления о косноязычии *латинъ*. В статье ПВЛ 986 г. содержится высказывание: *придоша нѣмци от Рима, глаголюще, яко «Придохомъ послани от папежа»* (ПВЛ, 98), где нѣмци, что очевидно из контекста, ‘иноземцы западно-европейского происхождения’ (СлРЯ XI–XVII вв., XI, 178), ср.: *нѣмци* ‘название всякого чужого народа, которого языкъ непонятенъ, иностранцы’ (Срезн., II, стб. 486); в издании летописи 1978 г. слово переведено как *иноверцы* (ПВЛ, 99), в электронной публикации текста на сайте Института русской литературы РАН в переводе сохранена лексема *немцы* (см. Повесть 1997). Употребление данной номинации в общем значении ‘иноземцы’, еще сохраняющем в древнерусском языке прозрачность метафорической мотивации, в проанализированных нами посланиях, однако, не отмечено; *нѣмци* – это всегда вандалы, варвары, напр.: *покорени быша римляне, иже латина наричется, от уандиль, иже наричаются нѣмцы* (НЯ, 74).

В изученных источниках не отмечено представление о глухоте *латинъ*, что кажется удивительным: метафора глухоты как непонимания христианской истины хорошо известна церковной книжности. В древнерусском языке существовала номинация *невѣголось*, *невѣзлась* ‘человек невежественный, неученый, не приобщенный к христианской культуре’ (СлРЯ XI–XVII вв., XI, 27), очевидна, мотивированная словосочетанием *не вѣдѣти голось*. Эта номинация преимущественно в неполногласной форме распространена в антиязыческих сочинениях («Слово о постѣ к невѣжамъ въ понедѣлокъ» XIII в. (см. Гальковский 1913, II, 15), «Слово нѣкоего Христолюбца и рѣвнителя по правой вѣрѣ» в рукописи XIV в. (Там же, 41) и др.); она часто употребляется в ПВЛ (записи 980, 983, 988 и других годов), но по отношению к *латинамъ* ее употребление нами не зафиксировано. Отмечен единственный пример, характеризующий восприятие противниками звучащей речи; однако, выраженный побудительной конструкцией, он прямо, а не метафорически указывает на непонимание истины: *Да научатся от слова Господня <...> И послушаютъ евангелиста, како хлѣбъ нарече. Едино бо есть артусъ и хлѣбъ, а оплатокъ ино есть* (НЯ, 78).

Противопоставление латинского учения правой вере находит выражение в следующем контексте из перевода послания константинопольского патриарха Михаила Керулария антиохийскому патриарху Петру (1054): *поклоняние Богу... срачиныскы творять, по бохмичеей прелести... **яко осель бесловеснѣ творять**, а не якоже хрестіане православни боголѣпно поклоняются* (М, 155). Не касаясь символики осла в христианской культуре, отметим, что это не единственная в проанализированных текстах экспликация устойчивой оппозиции «животное начало у латинь – человеческое начало у правове́рных». В данном контексте эта идея непосредственно связана с оппозицией «словесное – бессловесное», но возможны иные реализации. Так, отступлением *латинь* от правого христианского учения является, с точки зрения полемистов, неправильный выбор имен при крещении: *имже имена (не святыхъ) полагають, нѣ ина нѣкая странна* (Там же, 153); *имени же не нарицають святого, нѣ како прозовуть родители, тако и крестять* (ФИ, 16). Любопытное развитие этого топоса находим в послании митрополита Никифора князю Ярославу (1104–1118): *а крестящагося не нарицают ему имени, но **звѣрина** имъ имена наричють: Левъ, Пардусъ и прочихъ **звѣрей** имена* (НЯ, 75). Уподобление противников-нехристиан животным есть отрицание их человеческой богоподобной сущности; ср. известный летописный фрагмент: *а деревляни живяху **звѣрьскимъ** образомъ, живущее скотыскы* (ПВЛ, 30). Выражая эту идею в подтексте своих сообщений, полемисты в еще более категоричной форме отказывают *латинамъ* в праве считаться христианами.

Неточное наименование явлений и понятий (в первую очередь связанных с христианским учением) как следствие неверного их понимания, высказывание ложных суждений – неотъемлемое свойство *латинь*. Это вообще универсальная характеристика инакомыслящих последователей любой религии, даваемая им адептами. В изученных текстах по отношению к противникам используются традиционные для обличительных сочинений глаголы речи, имеющие отрицательную коннотацию, сочетающиеся с оценочными обстоятельствами или сопровождаемые уточняющими синонимами: *оклеветаютъ апостола Петра и святыхъ отьца* (ОФ, 60); *апостольское реченіе, глаголющее «малъ квасъ все вмѣшеніе квасить», **превращающее глаголитъ*** (М, 153); *на пресвятого и животворящего Духа **хоулы избобрѣтше блядословять*** (Там же, 156); *«малъ квасъ все вмѣшеніе тлѣть». Да въими, княже, како о тои вѣщи **лжють*** (НВ, 72); *молвят бо ти, яко недостойт инѣмъ языкомъ хвалити Бога, но токмо трѣми языки: **жидовскимъ языкомъ, еллинскимъ, римскимъ. Блядутъ*** же (НЯ, 76). Обобщая эти характеристики, переводчик послания Михаила Керулария характеризует *латинь* как *злославныхъ хоулникъ, понеже они пребыша в хоулении своемъ и въ злобѣ* (М, 157).

В переводной с греческого языка статье «О фрязѣхъ и о прочихъ латинахъ» (в составе Сербского списка Кормчей, 1262 г.) содержится следующее объяснение *filioque*: *ти же приложиша «и отъ сына» злѣ и блязньнѣ, **мнятъ бо тѣсноты ради языка ихъ тако быти*** (ОФ, 35). Тот же мотив «тесноты языка» встречаем в приписываемом упоминавшемуся выше патриарху Фотию переводном послании к римлянам (в составе сборника XV в.): *Лео же и Венедиктъ римстїи архїереи еллинскы избображение вѣры неразмѣннѣ намъ въписоваахоу, оузаконоположиша, да не **тѣсное языка хоулы** подасть оузрокъ* (ФР, 41). Данные фрагменты можно назвать «темными». Выражение *тѣсными языкъ* действительно восходит к сочинениям Фотия, в которых используется словосочетание το στενὸν τῆς διαλέκτου (Попов 1875, 41, 60; Hergenroether 1857, 395), т. е. перед нами дословное соответствие. *Тѣсными* ‘узкий, тесный; неудобный, тяжкий, трудный’ (Срезн., III, 1095). В латинском переводе греческого текста-источника используется словосочетание *lingua angustia* ‘языковые трудности’ (Hergenroether 1857, 395). Авторы сообщают, что Символ веры был начертан по-гречески на скрижалях и узаконен, чтобы не дать оснований для хулы (богохульства) про языковые трудности. Авторы и переводчики исследуемых древнерусских памятников, в отличие от самого патриарха Фотия, не объясняют, каким образом раннехристианские теософы комментировали семантические различия терминов *исхождение, рождение* и *послание* в греческом и латинском текстах Символа веры и в чем именно заключается проблема *тѣсноты языка*. Возможно, речь идет о несовершенстве человеческого языка, в принципе неспособного выразить сущность Бога. В таком случае *правове́рные* авторы упрекают *латинь* в том, что те воспользовались знанием о неудобстве языка в заведомо запрещенной сфере (*изображение вѣры неразмѣннѣ намъ въписоваахоу*), позволив себе недопустимую в этой сфере метаязыковую рефлексю. Поэтому в отношении последней используются лексемы с соответствующей оценкой: *мнятъ, хоула, приложиша «и отъ сына злѣ и блязньнѣ»* – ср. в греческом оригинале κακῶς καὶ ἐπισηφalus ‘плохо и ненадежно’. Наречие *блязньнѣ* (от прилагательного *блязньный* ‘ненадежный, непрочный, шаткий; ошибочный, неправильный’ (СлРЯ XI–XVII вв., I, 234)) является точным переводом греческого слова ἐπισηφalus ‘ненадежно, непрочно’ (Дворецкий 1958, I, 639) и снова отсылает читателя к мотиву неутвержденности *латинь* в своей вере.

Все выявленные нами в текстах XI–XIII вв. характеристики *латинства* как ущербного с точки зрения коммуникативных способностей сообщества заимствованы древнерусскими книжниками из богатейшей греческой церковной публицистики, которая, в свою очередь, развивает библейскую символику косноязычия, немоты, глухоты иноверцев. Обороты, вербализующие данную характеристику, являются устойчивыми с точки зрения их языкового выражения, повторяясь с незначительным лексическим варьированием в различных текстах. Единственным исключением можно считать рассуждение Никифора о назывании детей звериными именами. Коммуникативная неполноценность отражает интеллектуальную

и моральную несостоятельность *латинь*, примером чему служит цитата из послания апостола Павла, которую комментирует митрополит Никифор, адресуя ее оппонентам: «*Да будет слово ваше имъеи умъ, а не буди безлъпа, яко и о безлъпичнъ словъ воздати ны есть*» (НЯ, 79). Эта характеристика сближает *латинь* с *поганими* – в текстах обнаружены многочисленные примеры сходства их языковых образов. *Правовѣрные* христиане, напротив, *слово животно имуще, яко свѣтила в миръ сияють* (ИК, 35). В рамках данной статьи мы ограничились материалами памятников XI–XIII вв. Реализация анализируемого мотива широко представлена и в позднейших текстах (против *латинь*, *люторовъ*, *никониянъ*), что указывает на его устойчивость в языковом сознании средневековых книжников. В старорусских текстах актуализируются те же аспекты: например, за приложение *filioque* князь Андрей Курбский в середине XVI в., полемизируя теперь уже с новыми противниками, последователями учения Мартина Лютера, все так же обвиняет *латинь* в ненужной рефлексии и речевой изощренности: *филокизмами аристотельскими изощря язык, на древнѣе богословие вооружаются* (Сочинения 2001). В необычной для себя роли единомышленника Курбского выступает Иван Грозный, выдвигая против протестантского проповедника Яна Рокиты то же традиционное обвинение в многословии и пустоте речей: *Не хотѣлъ убо бых тебѣ слова подати, якоже преже рекох ти, понеже испытования ради испытуешу, а не вѣры ради; и многословити съ тобою не хошу, якоже со псомъ* (излюбленное Грозным бранное сравнение удачно включается в ряд примеров реализации представления о животном, нечеловеческом начале иноверцев) (см. Послания 2001). Подобные примеры можно продолжать.

В религиозной полемике лингвокоммуникативная характеристика противников приобретает особое звучание, являясь одновременно и репрезентацией фидеистического отношения авторов к слову (аксиологический, мировоззренческий аспект текста), и аргументацией интеллектуального и морально-превосходства над противниками (прагматический аспект).

Сокращения

ИК – Послание митрополита Иоанна к римскому папе Клименту III // Понырко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII вв. СПб., 1992. С. 30–35; **М** – Михаила архіепископа Царьграда о ересьхъ латынскихъ // Павлов А. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 151–157; **НВ** – Послание митрополита Никифора Владимиру Мономаху о вере латинской // Понырко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII вв. СПб., 1992. С. 72–73; **НЯ** – Послание митрополита Никифора князю Ярославу Святополчичу о вере латинской // Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII вв. СПб., 1992. С. 73–79; **ОФ** – О фрязехъ и о прочихъ латинахъ // Попов А. Н. Историко-литературный обзор древнерусских сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875. С. 58–69; **ПВЛ** – Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси XI–XII века. М., 1978. С. 23–277; **СЛРЯ XI–XVII вв.** – Словарь русского языка XI–XVII веков : в 28 т. М., 1975–2008; **Срезн.** – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, по письменным памятникам : в 3 т. СПб., 1912; **ФИ** – Послание Феодосия Печерского князю Изяславу Ярославичу // Понырко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII вв. СПб., 1992. С. 16–18; **ФР** – Фотия патриарха Костянтина града къ римляномъ // Попов А. Н. Историко-литературный обзор древнерусских сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875. С. 40–43.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Белова О. В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005.
- Березович Е. Л., Бондаренко Е. Д. «Лексические недоразумения» в структуре фольклорного текста // Изв. Уральского федерального ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2013. № 4 (120). С. 113–131.
- Березович Е. Л., Казакова Е. Д. Ситуация «языкового испытания» в народной культуре // Славянский и балканский фольклор. М., 2011. Вып. 11: Виноградье. С. 27–37.
- Бондаренко Е. Д. К дифференциации подязыков с позиций наивной социолингвистики (на материале русских говоров) // Антропологический форум. № 18 On-line [Электронный ресурс]. 2013. С. 372–380. Режим доступа: <http://www.anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/018online/bondarenko.pdf> (дата обращения: 05.11.2013).
- Гальковский Н. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси : в 2 т. М. ; Харьков, 1913–1916.
- Грищенко А. И., Николина Н. А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности : коллективная моногр. // Тр. Уральского МИОНа. Екатеринбург, 2006. Вып. 20. С. 175–187.
- Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь : в 2 т. М., 1958.
- Каракулова М. К. Восприятие чужих языков (на материале художественной литературы) // Вестн. Удмуртского ун-та. Сер. Филол. науки. 2005. № 5 (2). С. 15–20.
- Кортава Т. В. «Пря о вере» и языке в сочинениях писателей-старообрядцев XVII в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 2006. № 4. С. 122–127.
- Кортава Т. В. Языковая полемика в сочинениях писателей-старообрядцев XVII в. : материалы XXXV Междунар. филол. конф. (Санкт-Петербург, 13–18 марта 2006 г.). СПб., 2006 [а]. Вып. 6. С. 70–76.
- Мечковская Н. Б. Кирилло-мефодиевское наследие в филологии Slavia Orthodoxa и языковые вопросы в русском православии XX века // Славяноведение. 2000. Вып. 2. С. 3–17.
- Мечковская Н. Б. О филологической полемике в восточнославянской книжности XIV–XVII веков // Russian Linguistics. 1987. Vol. 11. Iss. 2/3. P. 217–236.
- Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.
- Павлов А. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878.
- Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI–XII века [Электронный ресурс]. СПб., 1997. Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869> (дата обращения: 02.10.2013).
- Попов А. Н. Историко-литературный обзор древнерусских сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875.
- Послания Ивана Грозного. Ответ Яну Роките // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век [Электронный ресурс]. СПб., 2001. Режим доступа: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9864> (дата обращения: 03.11.2013).
- Сазонова Н. И. Текстология церковной реформы патриарха Никона (1654–1666 гг.) в старообрядческой полемической литературе второй половины XVII в. // Вестн. Томского гос. ун-та. 2007. № 298. С. 103–106.
- Сочинения Андрея Курбского. Ответ о правой вере // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век [Электронный ресурс]. СПб., 2001. Режим доступа: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9864> (дата обращения: 03.11.2013).

Толстой Н. И. Роль кирилло-мефодиевской традиции в истории восточно- и южнославянской письменности // Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 140–153.

Успенский Б. А. Раскол и культурный конфликт XVII века // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1996. Т. 1 : Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 477–519.

Успенский Б. А., Лотман Ю. М. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1996. Т. 1 : Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 318–380.

Hergenroether J. Photii patriarchae Liber de Spiritus Sancti mystagogia. Ratisbon, 1857. Стб. 263–540 [Electronic resource]. URL: <http://www.documentacatholicaomnia.eu> (date of access: 02.11.2013).

Поступила в редакцию 20.03.2014.

Ольга Владимировна Зуева – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка.